Ермолов Игорь Геннадьевич

КОЛЛАБОРАЦИОНИЗМ В СФЕРЕ КУЛЬТУРЫ И ИСКУССТВА НА ОККУПИРОВАННЫХ ТЕРРИТОРИЯХ РСФСР В 1941-1944 ГГ.

В статье показано состояние культуры, искусства в период оккупации западной части РСФСР, а также попытки германских оккупационных властей приспособить эти сферы жизни советского общества для воспитания населения РСФСР в духе национал-социализма. Согласно приведенным данным, деятельность оккупантов в целом носила деструктивный характер по отношению к русским национальным ценностям. Мероприятия германских властей по открытию музеев, театров, библиотек создавали, скорее, видимость заботы о русской культуре. Дана оценка деятельности советских граждан, помогавших нацистам воплощать их планы по уничтожению духовных ценностей нашей страны.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2011/8-4/15.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2011. № 8 (14): в 4-х ч. Ч. VI. С. 58-61. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2011/8-4/

© Издательство "Грамота"

Информацию о том, как опубликовать статью в журнале, можно получить на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

Список литературы

1. **Бейкер Г. П., Хакер П. М. С.** Скептицизм, правила и язык. М.: Канон+; РООИ «Реабилитация», 2008. 240 с.
2. **Борисов Е., Инишев И., Фурс В.** Практический поворот в постметафизической философии. Вильнюс: ЕГУ, 2008. Т. 1. 212 с.
3. **Витгенштейн Л.** Философские работы / пер. с нем. М.: Гнозис, 1994. Ч. I. 612 с.
4. **Ильин В. В.** Классика-неклассика-неонеклассика: три эпохи в развитии науки // Вестник Московского университета. Сер. 7. Философия. 1993. № 2. С. 16–34.
5. **Орлов М. О.** Социальная динамика глобального мира. Саратов: Издательский центр «Наука», 2009. 256 с.
6. **Остин Дж.** Избранное. М.: Идея-Пресс; Дом интеллектуальной книги, 1999. 332 с.
7. **Социальное: истоки, структурные профили, современные вызовы** / под общ. ред. П. К. Гречко, Е. М. Курмелевой. М.: РОССПЭН, 2009. 440 с.
8. **Уинч П.** Идея социальной науки и ее отношение к философии. М.: Русское феноменологическое общество - XXI, 1996. 107 с.

“PRACTICAL TURN” IN SOCIAL PHILOSOPHY: LANGUAGE PHILOSOPHY ROLE

Andrei Andreevich D'yakov
Department of Theoretical and Social Philosophy
Saratov State University named after N. G. Chernyshevskii
dyakov20@yahoo.com

The author analyzes the prerequisites of “practical turn” implementation in social philosophy, considers L. Wittgenstein and J. Austin’s ordinary language philosophy as one of the “practical turn” prerequisites and proposes the statement about the key position of the triad “communication-language-practice” in modern social philosophy as the analysis result.

Key words and phrases: “practical turn”; language philosophy; social practices; communication.

УДК 94(470)“1941/1945”:352/353

В статье показано состояние культуры, искусства в период оккупации западной части РСФСР, а также попытки германских оккупационных властей приспособить эти сферы жизни советского общества для воспитания населения РСФСР в духе национал-социализма. Согласно приведенным данным, деятельность оккупантов в целом носила деструктивный характер по отношению к русским национальным ценностям. Мероприятия германских властей по открытию музеев, театров, библиотек создавали, скорее, видимость заботы о русской культуре. Дана оценка деятельности советских граждан, помогавших нацистам воплощать их планы по уничтожению духовных ценностей нашей страны.

Ключевые слова и фразы: оккупация; коллаборационизм; культура; музей; поэзия; театр; библиотека.

Игорь Геннадьевич Ермолов
Московская духовная семинария евангельских христиан
jermolov@mail.ru

КОЛЛАБОРАЦИОНИЗМ В СФЕРЕ КУЛЬТУРЫ И ИСКУССТВА НА ОККУПИРОВАННЫХ ТЕРРИТОРИЯХ РСФСР В 1941-1944 ГГ.©

Свои специфические черты имело сотрудничество части граждан СССР с оккупантами в таких сферах, как культура и искусство. Командиры немецких частей и соединений, командующие тыловыми районами немецких армий делали все возможное для привлечения интеллигенции, в том числе работников культуры, оставшихся в зоне оккупации, на свою сторону. При этом высшее нацистское руководство относилось к русской науке, культуре довольно негативно, считая, что они подлежат полному искоренению. Уже в августе 1941 г. министр по делам оккупированных восточных территорий А. Розенберг получил от А. Гитлера «руководящие указания» для работы в занятых немцами областях СССР, согласно которым следовало уничтожать библиотеки, лаборатории, исторические памятники как источники исторической памяти. Кроме того, предписывалось закрывать все высшие и средние учебные заведения, уничтожать их оборудование, включая мебель и библиотечные фонды [2, с. 28-29]. Однако не всегда эта директива воплощалась, что объясняется заинтересованностью немецких командиров в развитии коллаборационизма в области науки, культуры, желанием завоевать симпатии советского населения, поставить его себе на службу.

Так, в период оккупации РСФСР была сохранена часть музейной системы, существовавшей до войны. Музеи, возобновившие свою работу на оккупированных территориях, в зависимости от местонахождения, значимости и объема экспозиции делились на областные и районные (городские), а в зависимости от характера экспозиции − на краеведческие, художественные и т.д. Они создавались на базе аналогичных довоенных музеев с использованием прежней экспозиции или ее части, которую не удалось эвакуировать.

© Ермолов И. Г., 2011

В частности, из собрания Орловского областного краеведческого музея при отступлении Красной армии удалось эвакуировать около половины экспонатов. Фонд открывшегося 15 февраля 1942 г. музея составил 3 756 единиц хранения. Музей имел следующие отделы: археологии и геологии (1 457 экспонатов), живой природы (918 экспонатов), «Тургеневская комната» (33 экспоната и 3 726 экземпляров книг), истории (1 348 экспонатов) [10, с. 291-292]. Орловский антирелигиозный музей, находившийся в Богоявленском соборе г. Орла, вообще не был эвакуирован, вероятно, ввиду того, что его экспонаты не представляли большой ценности [Там же, с. 292]. Данные об эвакуации собраний Калужского художественного музея и Калужского областного краеведческого музея отсутствуют, однако есть сведения, что все экспонаты попали в руки немцев [Там же].

К эвакуации фондов краеведческих музеев Пскова и Великих Лук городские власти приступили только 2 июля 1941 г., когда начались бомбардировки городов. Созданная комиссия занималась определением ценности эвакуируемого городского имущества, что было необходимо для установления очередности его отправки. Музейные экспонаты в списках эвакуируемых ценностей занимали одно из последних мест по сравнению с деньгами, архивами, промышленным оборудованием. Ввиду этого далеко не все собрания музейных фондов были вывезены. Так, для эвакуации экспозиции Псковского музея было выделено 3 грузовика и 1 железнодорожный вагон. Невывезенные экспонаты сотрудники музея закопали во дворе [Там же].

Экспозиция Смоленского антирелигиозного музея, который располагался в кафедральном соборе, вообще не была вывезена. Немецкий генерал Г. Гудериан так описывает впечатление от посещения оставленного советскими властями музея: «Воспользовавшись своим посещением позиций в Смоленске, я решил осмотреть кафедральный собор. Он остался невредимым. При входе… бросался в глаза антирелигиозный музей, размещенный в центральной части и левой половине собора. У ворот стояла восковая фигура нищего, просящего подаяние. Во внутренней части помещений стояли восковые фигуры в натуральный человеческий рост, показывающие в утрированном виде, как буржуазия эксплуатирует и подавляет пролетариат. Красы в этом не было никакой» [7, с. 251-252].

Для возобновивших свою работу музеев характерно сокращение объема экспозиции. Общее количество музеев также уменьшилось. Последнее происходило в результате слияния нескольких музеев того или иного города в один. Так, возобновивший свою работу Орловский краеведческий музей вобрал в себя фонды областного краеведческого музея, Орловского областного музея им. Тургенева (литературного) и Орловского антирелигиозного музея. Калужский краеведческий музей, открывшийся в октябре 1941 г., был воссоздан благодаря слиянию Калужского областного краеведческого музея и Калужского художественного музея [10, с. 293].

Контингент музейных работников составляли, как правило, бывшие директора, заведующие музеями, хранители. Так, директором Орловского краеведческого музея стала бывшая заведующая фондами Н. В. Орлова [Там же], Калужский краеведческий музей по указанию бургомистра города Н. С. Щербачева возглавил бывший научный сотрудник Калужского художественного музея Н. М. Маслов. Кроме того, в музее на протяжении всего периода оккупации работали сотрудники областного краеведческого музея В. В. Извеков и М. Е. Шереметьева [Там же].

Иногда, ввиду отсутствия музейных работников, организация музеев и приведение в порядок экспозиции поручались иным представителям местной интеллигенции. Так, заведующим Торопецким районным краеведческим музеем по распоряжению немецкого коменданта был назначен учитель А. Щукин. Тем же распоряжением районной управе предписывалось оказывать новому заведующему всяческое содействие в организации музейной работы [6, д. 13, л. 113]. Штат музея составили 4 человека, включая 1 библиотекаря [Там же, д. 14, л. 3].

Посетителями музеев были как местные жители, так и германские военнослужащие. Последние перед посещением «русских музеев» обязаны были получить разрешение в комендатуре [Там же, д. 13, л. 97].

Однако практически повсеместно оккупанты, наряду с сохранением и поощрением музейной работы, с помощью коллаборационистов из числа работников культуры проводили разграбление музейных ценностей. В распоряжении русских музеев зачастую оставались экспонаты, не представлявшие для оккупантов ценности.

Так, первый бургомистр г. Новгорода В. Пономарев, отбывший с 1932 по 1937 г. пятилетний срок заключения по так называемому «делу Новгородского музея», после смещения с поста бургомистра в октябре 1941 г. работал оценщиком в Софийском соборе. Все реликвии города он делил на три группы: особо ценные, ценные, не представляющие исторического интереса. Экспонаты первой группы объявлялись собственностью Германии и были вывезены на ее территорию. В послевоенные годы большинство особо ценных экспонатов, вывезенных из Новгорода, удалось вернуть благодаря тому, что они в процессе отправки в Германию были строго учтены и промаркированы [1]. Просто ценные экспонаты предназначались для раздачи отличившимся немецким офицерам, а экспонаты, не представляющие исторической ценности, – сотрудникам органов местного самоуправления и служащим полиции [Там же].

Из фондов Орловского краеведческого музея по указанию бургомистра А. С. Старова и заведующего отделом просвещения А. Ищенко было изъято 127 предметов старинной мебели, причем не только из запасников, но и из экспозиции. Изъятая мебель пошла на обустройство комендатуры, Городской управы, полиции безопасности, курсов немецкого языка, музыкальной школы, начальной школы и детской площадки. Научная библиотека музея, располагавшая до войны 18 000 книг XVII-XIX веков, была по указанию бургомистра А. С. Старова переписана некой Н. В. Александровой. Правомерно предположить, что наиболее ценные книги были отправлены в Германию [10, с. 294].

После захвата Калуги из собрания Калужского областного художественного музея в Германию было отправлено 16 произведений итальянских, голландских, фламандских, французских художников, 233 гравюры, 23 рисунка. Оставшиеся картины по распоряжению бургомистра Н. С. Щербакова разделили на 4 группы: картины для города, картины для продажи, предметы, возвращаемые церквям, рамы. По указанию

горуправы заведующий музеем Н. М. Маслов произвел отбор картин для продажи немецким солдатам и офицерам. Вырученные деньги, предназначавшиеся для пополнения городского бюджета, поступали в городскую казну. Несмотря на предпринятые Н. М. Масловым усилия по спасению музейных ценностей, значительная их часть исчезла. Так, было утрачено 48 картин, 22 акварели и рисунка западноевропейских художников, что составило 50% западноевропейской живописи, 396 гравюр, 42 картины русских художников, в том числе И. К. Айвазовского, И. И. Левитана, И. И. Шишкина, В. Д. Поленова, 20 картин советских художников из отдела советского искусства [Там же, с. 294-295].

Кроме того, проводилась ревизия духовных ценностей, которая была поручена вставшим на путь коллаборации литераторам, искусствоведам, педагогам. В частности, в Новгороде в этом плане с оккупантами сотрудничал поэт и литературовед с мировым именем Б. Филиппов-Филистинский. Поэт А. Егунов, будучи в оккупацию заведующим Новгородским отделом народного образования, в своих лекциях для учителей популяризовал отношения средневекового Новгорода и Германии. Он же проводил ревизию библиотечных фондов города, изымая коммунистическую литературу [1].

В ряде оккупированных районов Калининской области после возобновления работы библиотек по распоряжению военных комендатур проводилась сортировка книг, к которой были привлечены, как правило, бывшие библиотечные работники или педагоги. Коммунистическая литература подлежала уничтожению. До окончания сортировки выдача книг населению запрещалась [6, д. 13, л. 96].

Помимо германофильства и попыток перестроить культуру на антисоветский лад, в некоторых местностях коллаборационистами от культуры проводилась политика русофобской направленности. Так, в г. Орле редактор газеты «Речь» М. Октан как в прессе, так и в своих лекциях для интеллигенции пропагандировал «полный пересмотр культурных ценностей», внушая слушателям, что «русские от природы не обладают творческими способностями и должны подчиняться приказам других» [3, с. 502]. Названия некоторых лекций М. Октана говорят сами за себя: «Пересмотр исторического прошлого русских», «Каким должен быть ариец». В частности, лектор объявлял Л. Н. Толстого ничего не стоящим писателем, пренебрежительно отзывался о русской музыке, Вагнера же провозглашал музыкальным гением всех времен [Там же]. В своих изданиях М. Октан даже отрицал сам факт существования русской нации, утверждая, что она исчезла под натиском большевизма, следовательно, согласно выводам автора, Германия не может посягать на национальные богатства и национальную свободу русского народа ввиду отсутствия таковых [12, с. 5, 7].

Принимая во внимание тот очевидный факт, что сами оккупанты вряд ли смогли бы в условиях оккупации перестраивать культуру на нужный им лад, проводить квалифицированное изъятие музейных экспонатов и т.д., правомерно заключить, что деятельность коллаборационистов в области культуры нанесла значительный вред интересам СССР, способствовала разграблению национальных богатств нашей страны.

Определенное развитие получило театральное искусство. В каждом областном центре, а иногда и в райцентрах областного подчинения возобновили свою работу театры. В частности, в г. Ржеве, согласно отчету комендатуры № 1/582, в конце ноября 1941 г. открылся театр на 400 зрительских мест. Театр ежедневно давал по два представления – в 15.30 и в 18.30. Театры открылись в городах Смоленске, Курске, Белгороде, Орле [10, с. 297].

В театральный репертуар входила в основном русская классика. Театральные труппы формировались, как правило, из артистов, работавших в этих же театрах до войны и избежавших эвакуации. Наряду с русской классикой были в ходу театральные постановки идеологического характера, насыщенные критикой советского строя, его репрессивной системы, партизанского движения. Роли драматургов, как правило, выполняли сами же театральные работники, иногда писатели, журналисты. Характерным примером служит поставленная в июне 1943 г. в театрах Орла, Брянска, Смоленска, некоторых райцентров пьеса в двух действиях «Волк», написанная смоленским журналистом С. С. Широковым. В центре судьба молодого красноармейца Бывалова, попавшего в лес и вступившего в партизанский отряд. Влюбившись в деревенскую девушку Надю, Бывалов решает бежать из отряда, но на его пути встает другой партизан – бывший секретарь райкома партии Ползунов, в образе которого автор соединил все негативное, что, по его мнению, было присуще партизанам и коммунистам. Счастливый конец пьесы, ее насыщенность тонким деревенским юмором привлекали множество зрителей [5, д. 50, л. 8; 8, с. 68].

Определенный интерес представляет развивавшаяся на оккупированных территориях РСФСР поэзия. Она передавалась при помощи средств массовой информации – газет, журналов, зачитывалась во время массовых мероприятий, со сцен клубов. Поэтические произведения, появлявшиеся в этот период, были строго идеологизированы, имели три основных направления: 1) критика советского строя и его репрессивной системы; 2) критика советских и партийных лидеров; 3) восхваление германской агрессии, германской армии и власовского движения.

Так, характерным образцом стихотворений первой группы являются стихотворения «СССР» (А. Весенин) и «НКВД» (Неизвестный автор). Автор первого характеризует Советский Союз как «землю многострадальную», «темницу вековечную, где тешится палач» [14]. Германская же агрессия в отношении СССР оценивается как «день счастья упоительный»: «Но пробил час решительный, / И над тобой взошел / День счастья упоительный, / И рухнул произвол» [Там же]. Во втором стихотворении дается метафорическая характеристика советских карательных органов. В частности, НКВД изображается как «проклятый зверь», «питомец Сталина-злодея», «злой вампир», «отродье змея».

Реже здесь применялись «переделки» классических произведений, детских загадок: «Мальчишка в сером армячишке / По дворам шныряет, крохи собирает (Сельский коммунист)»; «Без окон, без дверей / Полна горница людей (Тюрьма при Сталине)» [4]. Довольно удачной «переделкой» следует признать стихотворение Л. Ямского «Иосиф-Мороз»: «Вглядись, молодица, смелее, / Каков я, Иосиф-Мороз! / Навряд тебе парня страшнее / И злее видать привелось!» [Там же].

Вторая группа стихотворений представлена большей частью эпиграммами, высмеивающими такие черты советских лидеров, как жестокость, раболепие, для военачальников – профнепригодность. Так, глава НКВД Л. П. Берия представлен воплощением жестокости: «Чем еще садисту отличиться? / Он готов казнить родную мать! / Говорят, что Берия ловчится / Самого себя арестовать» [11]. В одной из эпиграмм всесоюзный староста М. И. Калинин был представлен марионеточным, ничего не значащим, всего лишь номинальным руководителем государства: «Калинин – волевой старик, / Ничьим веленьям не покорный. / Он независим и велик, / Когда сидит… в своей уборной» [Там же].

Иногда в эпиграммах проскальзывал антисемитизм, зачастую совершенно неуместно: «У Джугашвили длинный нос! / Не жид ли он? – вот в чем вопрос» [13]. Любопытно, что советским лидерам семитского происхождения в эпиграммах могла приписываться реальная, неограниченная власть, превосходящая власть И. В. Сталина. Характерным примером служит следующая эпиграмма на Л. М. Кагановича: «Протухший, ожиревший жид / На троне в СССР сидит, / А остальные, вставши в ряд, / Ему с почтеньем лижут зад» [Там же].

Вероятно, авторы эпиграмм исходили из того, что короткие сатирические стихотворения легко запоминались населением, передавались из уст в уста. С этой целью авторы эпиграмм пренебрегали этикой, а для придания своим произведениям экспрессивной иронической окраски использовали некорректные, даже ругательные слова и выражения. По крайней мере, проведенный нами опрос среди жителей нескольких районов Смоленской, Курской и Брянской областей показал, что большинство людей почтенного возраста, переживших оккупацию более 60 лет назад, с удивительной точностью воспроизвели ряд подобных эпиграмм и стихотворений.

Таким образом, на оккупированных территориях РСФСР, пусть в небольшом объеме, сохранились музейная работа, театральное искусство, наука. Вместе с тем наблюдалось не их развитие, а постепенное свертывание. Так, налицо сокращение объема музейных фондов ввиду того, что экспонаты как материальные носители культуры постепенно и целенаправленно расхищались оккупантами. Работа оккупантов по сокращению культурного потенциала России была бы невозможна без помощи коллаборационистов. Именно они оказали большую помощь нацистам в деле ревизии культурных ценностей, уничтожения памятников литературы, живописи. Однако и здесь следует различать коллаборационистов и псевдоколлаборационистов, то есть тех, кто, формально находясь на службе у оккупантов, делал попытки сохранения научного и культурного потенциала России. Что же касается поэзии, театральной жизни, проводившаяся посредством этих сфер агитация направлялась в основном против коммунистической системы СССР, ее партийных лидеров, карательных органов, но не против государства как такового и его народа. Подчиненность культурной сферы оккупационным властям, ее излишняя идеологизация говорят о том, что нацистами двигало не желание сохранить культуру русского народа, а стремление подчинить ее своим целям по подрыву политической мощи СССР.

Список литературы

1. **Анженкова Е.** Ценные люди Третьего рейха // Культура. 2002. 18-24 июля.
2. **Байдалаков В. М.** Да возвеличится Россия. Да гибнут наши имена… М.: Посев, 2002.
3. **Верт А.** Россия в войне 1941-1945. М.: Прогресс, 1967.
4. **Голос народа.** 1942. 15 ноября.
5. **Государственный архив Брянской области** (ГАБО). Ф. 2608. Оп. 1.
6. **Государственный архив Тверской области** (ГАТО). Ф. Р-2757. Оп. 1.
7. **Гудериан Г.** Воспоминания солдата. Смоленск, 2003.
8. **Ермолов И. Г.** Гражданский и военно-политический коллаборационизм в южных районах Орловской области. Орел: Орловский государственный университет, 2008.
9. **Ермолов И. Г.** Особенности воплощения германской оккупационной политики на территории РСФСР в 1941-1944 гг. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2011. № 5 (11). Ч. 4. С. 62-66.
10. **Ермолов И. Г.** Три года без Сталина. Оккупация: советские граждане между нацистами и большевиками: 1941-1944. М.: Центрполиграф, 2010.
11. **Жало: сатирический листок**: приложение к газете «Речь». 1942. Ноябрь.
12. **Октан М.** Является ли эта война отечественной для народов России. Орел, 1942.
13. **Речь.** 1941. 19 декабря.
14. **Речь.** 1942. 3 апреля.

COLLABORATIONISM IN ART AND CULTURE SPHERE WITHIN THE OCCUPIED TERRITORIES OF THE RUSSIAN SOVIET FEDERATED SOCIALIST REPUBLIC IN 1941-1944

Igor' Gennad'evich Ermolov
Moscow Theological Seminary of Evangelical Christians
jermolov@mail.ru

The author shows culture and art condition during the RSFSR (the Russian Soviet Federated Socialist Republic) western part occupation as well as the attempts of the German occupational authorities to adapt these soviet society spheres for the RSFSR population education in the spirit of National Socialism, according to the presented data demonstrates that the occupants' activity as a whole was of a destructive character in relation to Russian national values, mentions that the German authorities' activity on museums, theaters, libraries opening rather created the illusion of the concern about Russian culture and estimates the soviet citizens' activity who helped the Nazis to implement their plans of our country spiritual values destruction.

Key words and phrases: occupation; collaborationism; culture; museum; poetry; theatre; library.